РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Russian Literature and the Literatures of the Peoples of Russia

DOI 10.54770/20729316-2025-3-101

Н.А. Демичева (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСНОГО РАССКАЗА ОБ УБИЙСТВЕ ЯРОПОЛКА ИЗЯСЛАВИЧА КАК «ДЕВИАНТНОГО» ТЕКСТА[1]

Аннотация

В статье летописный рассказ об убийстве князя Ярополка Изяславича, содержащийся в «Повести временных лет» под 6594 г. (1086 г.), а также в ряде более поздних летописей, рассматривается в рамках концепции «девиантного» текста (термин О.А. Туфановой). Данное произведение относится к группе криминальных сюжетов, в которых речь идет о преступлениях против личности. При анализе трехкомпонентной сюжетной схемы, характерной для «девиантных» текстов, отмечается, что 1) исходная ситуация практически не описана, сообщается только о передвижениях Ярополка Изяславича, отсутствует информация о том, кто является заказчиком убийства, каковы его мотивы; 2) сам рассказ об отклоняющихся от нормы действиях очень лаконичен, фактографичен, но при этом содержит ряд деталей; 3) в произведении эксплицитно выражена негативная оценка произошедшего. Летописный рассказ об убийстве князя Ярополка Изяславича контрастирует со следующим за ним некрологом, в котором на первый план выдвигается идеализированный образ князя-страстотерпца, насильственная смерть которого охарактеризована как благо, возможность обрести вечную жизнь. Составители некоторых более поздних летописных сводов предпринимали попытки убрать несоответствие между этими текстами, достичь идейного и стилистического единства в рамках летописной статьи за счет ликвидации некролога (например, в Московском летописном своде конца XV в., Тверском сборнике, Вологодско-Пермской, Воскресенской летописях и др.) или внедрения в рассказ об убийстве Ярополка Изяславича компонентов княжеского некролога (см. Типографскую, Холмогорскую летописи, Степенную книгу). При контаминации рассказа об убийстве и некролога фокус внимания смещается с «девиантного» поступка (убийства) и его оценки на идеализированный, агиографический образ Ярополка Изяславича.

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00091, https://rscf.ru/project/24-28-00091/) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова

«Девиантный» текст; летописный рассказ об убийстве Ярополка Изяславича; «Повесть временных лет»; историческое повествование Древней Руси.

N.A. Demicheva (Moscow)

FEATURES OF THE CHRONICLE STORY ON THE MURDER OF YAROPOLK IZYASLAVICH AS A "DEVIANT" TEXT[1]

Abstract

In the article, the chronicle story on the murder of Prince Yaropolk Izyaslavich, contained in the "Tale of Bygone Years" dated 6594 (1086), as well as in a number of later chronicles, is considered within the framework of the concept of a "deviant" text (O.A. Tufanova's term). This work belongs to the group of criminal plots, which deal with crimes against the person. In the chronicle story on the murder of Prince Yaropolk Izyaslavich, two parts are distinguished: the narrative, which outlines the plot, and the obituary, which presents the characterization of the hero. When analyzing the three-component plot scheme typical of "deviant" texts, it is noted that 1) the initial situation is practically not described, only the movements of Yaropolk Izyaslavich are reported, there is no information about who ordered the murder, what his motives are; 2) the story itself about deviant actions is very concise, factual, but at the same time, it contains a number of details; 3) the work explicitly expresses a negative assessment of what happened. The chronicle story on the murder of Prince Yaropolk Izyaslavich contrasts with the obituary that follows, which highlights the idealized image of the passion bearer, whose violent death is characterized as a blessing, an opportunity to find eternal life. The compilers of some later chronicles attempted to remove the discrepancy between these texts, achieve ideological and stylistic unity within the framework of the chronicle article by eliminating the obituary part (for example, in the Moscow Chronicle of the end of the 15th century, Tver, Vologda-Perm, Voskresenskaya chronicles) or introducing the components of the prince into the story of the murder of Yaropolk Izyaslavich obituary (see Typographic, Kholmogory chronicles, Book of Royal Degrees). With the contamination of the murder story and the obituary, the focus of attention shifts from the "deviant" act (murder) and its assessment to the idealized, hagiographic image of Yaropolk Izyaslavich.

Key words

"Deviant" text; The Chronicle Story on the Murder of Yaropolk Izyaslavich; the "Tale of Bygone Years"; historical narrative of Old Russia.

Князь Ярополк Изяславич – человек, имевший непростую судьбу, переживший много испытаний и в итоге трагически погибший. Так, в 1073 г. он вместе со своим отцом Изяславом Ярославичем, изгнанным с киевского престола своими младшими братьями Святославом и Всеволодом, и другими членами семьи был вынужден бежать за пределы Руси, а затем скитаться по европейским государствам с целью найти у местных правителей и папы римского поддержку. После смерти Святослава Ярославича им удалось вернуться: Изяслав Ярославич занял киевский престол, а Ярополк Изяславич сел в Вышгороде. Ярополк Изяславич участвовал в конфликте с наследниками Святослава

[1]The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/) at IWL RAS.

Черниговского, сражался в битве на Нежатиной Ниве, где погиб его отец. В 1078 г. он получил Владимир-Волынский и Туров от своего дяди, великого князя Всеволода Ярославича. В связи с этим Ярополк Изяславич был вынужден вступить в конфликт с Ростиславичами, изгнавшими его из Владимира-Волынского, а потом попытался выступить и против своего дяди Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, недовольный решением Всеволода отдать Давыду Игоревичу Дорогобуж Волынский. Затем он бежал в Польшу, при этом его семью и дружину захватили в плен. Наконец, Ярополк Изяславич в 1086 г. вернулся на Русь, заключил мир с Владимиром Мономахом и 22 ноября был убит на пути из Владимира-Волынского в Звенигород Галицкий (подробнее см.: [Рапов 1977, 82–84; Салмина 1995; Фроянов 2012, 476–478]).

Гибель Ярополка Изяславича представляла собой экстраординарное событие. Как справедливо отметили А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, если смерть князя в ходе междоусобных военных столкновений могла в тот период мыслиться как нечто относительно привычное, то «вероломное <…> преступление, жертвой которого стал Ярополк, не могло расцениваться как заурядное событие в рамках какой бы то ни было этической нормы, будь то обиход христианских государей, которыми успели сделаться Рюриковичи, или повседневная жизнь некрещеных предводителей военных дружин, каковыми они были до обращения» [Литвина, Успенский 2020, 59]. Ранее сопоставимый с этим случай гибели Рюриковичей от рук подосланных убийц был только в 1015 г., когда жертвами стали Борис и Глеб.

Вышесказанное позволяет рассмотреть летописный рассказ об убийстве Ярополка Изяславича, содержащийся в «Повести временных лет» под 6594 г. (1086 г.), а также в ряде более поздних летописей, в рамках концепции «девиантного» текста, предложенной О.А. Туфановой. Такого рода тексты фокусируются на действиях человека или группы лиц, которые воспринимаются и оцениваются как не соответствующие «…общепринятым культурным, духовно-нравственным, морально-этическим, правовым нормам и ожиданиям общества…» [Туфанова 2020a, 276], как экстраординарное событие.

Девиантные тексты могут быть посвящены трем основным темам: 1) криминальным событиям; 2) девиантному поведению в экстремальных ситуациях; 3) отклоняющимся от нормы действиям, связанным с конфликтом культур (см.: [Туфанова 2025, 204]). В рассматриваемом рассказе речь идет о криминальных событиях, конкретнее – о преступлении против личности. По своей форме «девиантные» тексты могут представлять собой сюжетное и бессюжетное повествование. Летописный рассказ об убийстве Ярополка Изяславича является сюжетным, в нем сообщается о ряде взаимосвязанных событий и действий персонажей, которые разворачиваются во времени [Туфанова 2024b, 162].

Для «девиантных» текстов характерно наличие трех компонентов: 1) описание исходной ситуации; 2) рассказ об отклоняющихся от нормы действиях персонажей; 3) оценка, отражающая реакцию общества на совершенное, мнение о нем автора или редактора текста [Туфанова 2020a, 283].

Исходная ситуация представлена в летописном рассказе об убийстве Ярополка Изяславича крайне лаконично и неполно, сообщается только о заключении им мира с Владимиром Мономахом и передвижениях Ярополка: «Приде Ярополкъ из Ляховъ и створи миръ с Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери и, пересѣдев мало дни, иде Звенигороду» [ПСРЛ, I, 1926, 206] (Здесь и далее орфография упрощена, пунктуация заменена на современную. – *Н.Д.*). При этом отсутствует информация о том,

кто является заказчиком убийства, как возник умысел, как велась подготовка преступления, каким образом убийца смог попасть в окружение князя и совершить нападение.

Это умолчание является необычным, потому что в других летописных рассказах об убийствах и причинении вреда здоровью князей содержатся такого рода сведения. Например, в летописной повести об убийстве Бориса и Глеба под 6523 г. (1015 г.) довольно много внимания уделено именно исходной ситуации – смерти Владимира Святославича, получению Святополком киевского престола, реакции Бориса на смерть отца и его отказу выступить против старшего брата, появлению у Святополка преступного умысла («…исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ» [ПСРЛ, I, 1926, 132]), подготовке убийства, при описании которого существенную роль играет мотив обмана и тайного заговора. В повести об ослеплении Василька Теребовльского под 6605 г. (1097 г.) также значительное место занимает экспозиция и завязка действия: рассказ о Любечском съезде и установлении мира на Руси, повествование о формировании заговора по дьявольскому наущению и подготовке преступления. Подобное наблюдается и в ряде других текстов о преступлениях против князей (подробнее см.: [Лихачев 1947, 215–247; Рудомазина 2007; Сочнева 2014]).

Часть летописного рассказа, посвященная непосредственно убийству Ярополка Изяславича, является довольно краткой:

> И не дошедшю ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя наученья и от злыхъ человекъ. Лежащю [ему] ту на возѣ, саблею с коня прободе месяца ноямбря въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и возпи великымъ гласомъ: «Охъ, тот мя враже улови» [ПСРЛ, I, 1926, 206].

Несмотря на небольшой объем, в данном фрагменте содержится довольно много различных деталей. В нем сообщается имя преступника (Нерадец); указываются орудие и способ убийства (Святополк был проткнут саблей), положение в пространстве убийцы и жертвы в момент совершения преступления (Нерадец был на коне, а Святополк в это время лежал на возу), примерное место (на пути из Владимира-Волынского к Звенигороду Галицкому) и дата (22 ноября) событий, действия Святополка после смертельного ранения (выдернул из себя саблю); приводится его предсмертная реплика.

Значительное внимание в данном летописном рассказе уделяется произошедшему после убийства. В нем сообщается, что Нерадец после совершенного сбежал в Перемышль к Рюрику. О.В. Творогов отметил, что в описываемый период Ростиславичи (в том числе и Рюрик) «…находились в зависимости от владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича: именно их стремление расширить свои владения, а быть может и посягательства на владимирский стол и явились причиной конфронтации с Ярополком» [Повесть временных лет 1997, 516]. По этой причине исследователь высказывал предположение, что заказчиками убийства являлись именно Ростиславичи.

Свою версию на этот счет выдвинули А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, связавшие гибель князя с заключением династического брака между его дочерью и полоцким князем Глебом Всеславичем. Это был первый в истории Рюриковичей внутридинастический брак, в результате которого должно было укрепиться положение Ярополка Изяславича, претендовавшего на династиче-

ское старшинство, что являлось невыгодным большинству Рюриковичей, в том числе и его дяде Всеволоду Ярославичу с Владимиром Мономахом (подробнее см.: [Литвина, Успенский 2015; Литвина, Успенский 2020, 59–66]).

Подчеркнем, что вышесказанное является предположениями исследователей и попытками реконструкции событий, в самом летописном рассказе нет никаких сведений о причине убийства и его бенефициарах. Это отличает его от других произведений, посвященных преступлениям против князей, в нем акцент с мотивации и политического контекста смещен на сам факт убийства и посмертную судьбу Ярополка Изяславича.

Так, в летописном рассказе указывается способ и маршрут транспортировки тела князя: его положили на коня перед собой его дружинники и доставили сначала во Владимир-Волынский, а затем в Киев. Интересно, что в тексте есть такая подробность, как имена некоторых из сопровождающих – Радко и Воикина.

Далее в нем также описываются встреча тела Ярополка Изяславича киевлянами, в том числе представителями светской и духовной власти, и процесс его похорон, указывается место и дата погребения:

> Изиде противу ему благовѣрныи князь Всеволодъ с своима сынъма, Володимеромь и Ростиславомь, и вси боляре, и блаженыи митрополитъ Иоанъ с чернорисци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалъмы и пѣ[с]нми проводиша и до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честью положиша и в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже самъ началъ здати преже, месяца декабря въ 5 день [ПСРЛ, I, 1926, 206].

Убийство Ярополка Изяславича получает в летописном рассказе крайне негативную авторскую / редакторскую оценку. Упоминание имени совершившего преступление сопровождается отрицательным эпитетом «проклятыи», в части списков данная лексема используется в тексте дважды, а в некоторых – в предложении, в котором сообщается о бегстве Нерадца, содержится прилагательное «треклятыи» (см., например, разночтения в издании: [ПСРЛ, I, 1926, 206], а также публикацию по Ипатьевскому списку [Повесть временных лет 1997, 242]). Девиантный поступок с помощью оборота «от дьяволя наученья и от злыхъ человекъ» [ПСРЛ, I, 1926, 206] связывается с проявлением экзистенциальной, враждебной человечеству силы. Схожие формулы нередко используются в раннем летописании при описании междоусобных конфликтов, против которых выступает летописец (подробнее см.: [Сочнева 2014]).

В рассказе также делается акцент на негативной реакции общества на убийство Ярополка Изяславича, положительно относившегося к князю. Указывается, что киевляне проявляют почтение, уважение к погибшему, сожалеют о его смерти: отмечается, что его тело встречают представители власти; сообщается о плаче киевлян с использованием традиционного эпитета «великъ» и погребении «с честью» со всеми необходимыми обрядами в церкви.

Однако при этом в летописном рассказе об убийстве князя Ярополка Изяславича не создается его образа, нет положительных эпитетов, отсутствует мотив «добровольной» кончины (когда князь знает о готовящемся убийстве, но не предпринимает никаких мер), не приводится молитва перед смертью; сцена убийства лаконична и фактографична. Иными словами, в нем отсутствуют черты, характерные для летописных повестей о княжеской смерти, которые, по

наблюдениям Т.Б. Рудомазиной используются для того, чтобы «…изобразить агиографически просветленный образ правителя, готового принять смерть, как то подобает истинному христианину» [Рудомазина 2007, 16].

Важно отметить, что указанные черты ярко проявляются в некрологе, который содержится после «девиантного» текста в летописной статье «Повести временных лет» под 6594 г. (1086 г.) и имеет существенные отличия от предшествовавшего ему рассказа в трактовке образа Ярополка Изяславича и оценке его смерти:

> Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ и разграбленъ, прочее и смерть горкую приятъ, но вѣчнѣи жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженыи сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣи Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: «Господи Боже мои! Приими молитву мою и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима Борису и Глѣбу от чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, [и] избуду суетнаго того свѣта и мятежа сѣти вражии». Его же прошенья не лиши его благыи Богъ: въсприя благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его [ПСРЛ, I, 1926, 206–207].

Герой наделяется такими качествами, как кротость, смирение, братолюбие, боголюбие. При этом некролог пронизывает тема страдания, мученичества, Ярополк Изяславич охарактеризован как жертва: указывается, что он претерпел много бед и лишений («многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ и разграбленъ…» [ПСРЛ, I, 1926, 206–207]), по отношению к его смерти использован эпитет «горькая». В нем в отличие от рассказа об убийстве князя Ярополка Изяславича не упоминаются имя обидчика и детали преступления, создается идеализированный образ князя-страстотерпца вне конкретных исторических реалий. Отметим, что информация о политическом контексте, заказчике убийства, возникновении и реализации преступного замысла вообще отсутствует в «Повести временных лет». Можно предположить, что она могла не представлять особой ценности для летописца, однако, на наш взгляд, с учетом характерности такого рода сведений для летописных повестей о княжеской смерти более вероятно, что в данном случае она намеренно замалчивалась в связи с возможной причастностью Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха к убийству.

Тема страдания, введенная в начале некролога, развивается в молитве Ярополка Изяславича, в которой он просит Бога о насильственной смерти ради избавления от грехов и спасения души: «…да омыю грѣхы вся своею кровью, [и] избуду суетнаго того свѣта и мятежа сѣти вражии» [ПСРЛ, I, 1926, 207]. Большое значение в этом контексте имеет упоминание святых Бориса и Глеба («…дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима Борису и Глѣбу от чюжю руку» [ПСРЛ, I, 1926, 207]), таким образом летописец уподобляет им Ярополка Изяславича. В.С. Савельев обратил внимание на перекличку возгласа князя перед смертью с молитвой в некрологе: Бог как бы откликнулся на молитву Ярополка и уготовил ему смерть от чужой руки, как тот и просил [Савельев 2021, 528–530]. Идея о том, что смерть Ярополка Изяславича является благостью, которая была дарована ему Богом, подкрепляется библейской цитатой «…око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его» [ПСРЛ, I, 1926, 207] (1 кор. 2: 9).

Интересно, что составители некоторых более поздних летописных сводов предпринимали попытки нивелировать или сгладить несоответствие между летописным рассказом об убийстве князя Ярополка Изяславича и княжеским некрологом, достичь идейного и стилистического единства. В большинстве из них некролог был полностью ликвидирован (например, в Московском летописном своде конца XV в., Тверском сборнике, Вологодско-Пермской, Воскресенской летописях и др.). В некоторых летописях он представлен в сокращенном виде и внедрен в летописный рассказ об убийстве князя Ярополка Изяславича (см. Типографскую, Холмогорскую летописи). Так, в Холмогорской летописи положительная характеристика Ярополка Изяславича помещена между повествованием об убийстве князя и сведениями о бегстве Нерадца:

> И не дошед града, и прободен бысть от своего же мечем и Нерядци. Сей же князь Ярополк кроток и смирен, братолюбец и нищелюбец, десятину дая святей Богородицы. А Нерядцем же бежа к Перемышлю ко Рюрику [Холмогорская летопись 1977, 39].

В Степенной книге происходит более серьезная трансформация летописной статьи, кардинально меняется ее структура, элементы рассказа об убийстве князя Ярополка Изяславича и некролога в ней тесно переплетены. Произведение начинается с фрагмента под заголовком «О благонравии князя Ярополка Изяславича», где перечислены всевозможные положительные качества князя (перечень существенно расширен по сравнению с первоначальным текстом некролога в «Повести временных лет», близок к Никоновской летописи, см.: [ПСРЛ, IX, 1862, 115]):

> …бяше тихъ и кротокъ, смиренъ и любовенъ, милостивъ и даровитъ и не отмьстителенъ къ согрешающимъ ему, умиленъ и слезенъ и сладкоглаголивъ и обрадованенъ ко всѣмъ и книженъ вельми; пьянства же и всякого глумленія отлучаяся… [ПСРЛ, XXI, 1908, 177].

Расположенный после этого фрагмент под заголовком «О убиении Ярополка Изяславича» начинается с переработанного некролога. В нем сообщается о бедах, которые претерпел князь «…любви ради Христовы» [ПСРЛ, XXI, 1908, 177], приводится расширенный вариант молитвы. Далее размещен собственно рассказ об убийстве, при этом подчеркивается связь между молитвой Ярополка Изяславича, просившего Бога даровать ему смерть от чужой руки и возможность уподобиться страстотерпцам Борису и Глебу, и обстоятельствами его смерти («Его же убо прошенія не лиши его Всеблагій Богъ» [ПСРЛ, XXI, 1908, 177]).

При сообщении об убийстве князя, перевозе его тела в Киев, похоронах, бегстве Нерадца в рассказе Степенной книги фигурирует больше оценочных средств, благодаря которым изложение событий 1086 г. становится более риторически украшенным и в смысловом и стилистическом планах сближается с некрологом. В частности по отношению к Ярополку Изяславичу в контексте повествования о его убийстве используются эпитеты «неповинный страдалец», «блаженный» [ПСРЛ, XXI, 1908, 177–178], его предсмертная реплика расширена и включает в себя обращение к Богу с просьбой не наказывать обидчика, что указывает на кротость, смирение и милосердие героя. В конце произведения Нерадец назван «окаянным», благодаря чему подчеркивается

семантическая связь между событиями 1015 г. и 1086 г. (с помощью лексемы «окаянный» был ранее охарактеризован Святополк, жертвами которого стали Борис и Глеб). Завершается текст указанием на то, что убийца будет навечно проклят, а Ярополк Изяславич получит «… вѣчьный животъ и радость бесконечьную, Небесное Царствіе» [ПСРЛ, XXI, 1908, 178]. Так, летописная статья, посвященная событиям 1086 г., в Степенной книге за счет контаминации рассказа об убийстве князя Ярополка Изяславича и некролога приобретает стилистическую однородность и цельность, в ней доминируют агиографические черты, создается идеализированный образ князя, обладавшего христианскими добродетелями и добровольно принявшего мученическую смерть, уподобившись святым страстотерпцам и Христу.

Таким образом, летописный рассказ об убийстве Ярополка Изяславича в «Повести временных лет» может быть рассмотрен как «девиантный» текст, представляющий собой сюжетное повествование о преступлении против личности. Исходная ситуация в нем практически не описана; сам рассказ об отклоняющихся от нормы действиях очень лаконичен и фактографичен, акцент с мотивации преступника и с политического контекста смещен на сам факт убийства и на то, что впоследствии происходило с телом умершего Ярополка Изяславича (его транспортировка, похороны). В произведении выражена негативная оценка действий Нерадца, гибель князя представлена как трагическое событие, вызывающее сочувствие у общества. В некоторых более поздних летописях (например, в Типографской и Холмогорской летописях, в Степенной книге) за счет внедрения в рассказ об убийстве Ярополка Изяславича компонентов княжеского некролога, добавления оценочных элементов в нарратив о гибели князя, перевозе его тела в Киев и погребении центр внимания смещается с «девиантного» поступка (убийства) и его оценки на личность Ярополка Изяславича, который идеализируется, изображается как обладающий всевозможными христианскими добродетелями и добровольно принявший мученическую смерть, уподобившись святым страстотерпцам и Христу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. 432 с.

2. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. За что убили Ярополка Изяславича? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 73–74.

3. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: АН СССР, 1947. 499 с.

4. Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 62–315, 487–524.

5. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л.: АН СССР, 1926. 286 стб.

6. Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. 256 с.

7. Полное собрание русских летописей. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 342 с.

8. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Московский государственный университет, 1977. 264 с.

9. Рудомазина Т.Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Елец, 2007. 22 с.

10. Савельев В.С. Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: дис. … д. филол. н.: 10.02.01. М., 2021. 659 с.

11. Салмина М.А. Ярополк Изяславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / отв. ред. О.В. Творогов. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 287.

12. Сочнева Н.А. Жанровая природа повестей о княжеских преступлениях в составе древнерусского летописания домонгольского периода: дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Курган, 2014. 206 с.

13. (a) Туфанова О.А. «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 23 / гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302.

14. (b) Туфанова О.А. О художественной специфике бессюжетных «девиантных» текстов в летописях // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 4. С. 160–181.

15. Туфанова О.А. Речи персонажей как сюжетообразующий прием в летописных «девиантных» текстах // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 2. С. 202–218.

16. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

17. Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. С. 10–147.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Za chto ubili Yaropolka Izyaslavicha? [Why Was Yaropolk Izyaslavich Killed?]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, 2015, no. 3 (61), pp. 73–74. (In Russian).

2. (b) Tufanova O.A. O khudozhestvennoy spetsifike bessyuzhetnykh "deviantnykh" tekstov v letopisyakh [On Specific Aesthetic Features of the Plotless "Deviant" Texts in Chronicles]. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 4, pp. 160–181. (In Russian).

3. Tufanova O.A. Rechi personazhey kak syuzhetoobrazuyushchiy priyem v letopisnykh "deviantnykh" tekstakh [Characters' Speeches as a Plot-Forming Device in Chronicle "Deviant" Texts]. *Studia Litterarum*, 2025, vol. 10, no. 2, pp. 202–218. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Salmina M.A. Yaropolk Izyaslavich [Yaropolk Izyaslavich]. Tvorogov O.V. (Ed.). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia "Words about Igor's Regiment"]: in 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1995, p. 287. (In Russian).

5. (a) Tufanova O.A. "Deviantnyy" tekst v istoricheskom povestvovanii Drevney Rusi: k postanovke problemy ["Deviant" Text in the Historical Narration of Old Russia: to the Problem Statement"]. Tufanova O.A. (Ed.). *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 23. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 265–302. (In Russian).

(Monographs)

6. Froyanov I.Ya. *Drevnyaya Rus' IX–XIII vekov. Narodnyye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast'* [Old Russian of the 9th–13th Centuries. Popular Movements. Princely and Veche Power]. Moscow, Russkiy izdatel'skiy tsentr Publ., 2012. 1088 p. (In Russian).

7. Likhachev D.S. *Russkiye letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoye znacheniye* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1947. 499 p. (In Russian).

8. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Dinasticheskiy mir domongol'skoy Rusi* [The Dynastic World of Pre-Mongol Russia]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2020. 432 p. (In Russian).

9. Rapov O.M. (Author), Rybakov B.A. (Ed.). *Knyazheskiye vladeniya na Rusi v X – pervoy polovine XIII v.* [Princes' Possessions in Russia in the 10th – the First Half of the 13th Century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977. 264 p. (In Russian).

Thesis and Thesis Abstracts)

10. Rudomazina T.B. *Letopisnyye povestvovaniya o knyazheskoy smerti: zhanrovo-stilevoy analiz* [Chronicle Narratives on the Princely Death: Genre and Style Analysis]. PhD Thesis Abstract. Yelets, 2007. 22 p. (In Russian).

11. Savel'yev V.S. *Izobrazheniye ustnoy kommunikatsii v "Povesti vremennykh let"* [The Image of Oral Communication in the "Tale of Bygone Years"]. Dr. Habil. Thesis. Moscow, 2021. 659 p. (In Russian).

12. Sochneva N.A. *Zhanrovaya priroda povestey o knyazheskikh prestupleniyakh v sostave drevnerusskogo letopisaniya domongol'skogo perioda* [The Genre Nature of Stories on Princely Crimes as Part of the Old Russian Chronicle of the Pre-Mongol Period]. PhD Thesis Abstract. Kurgan, 2014. 206 p. (In Russian).

Демичева Наталья Алексеевна,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур.

Научные интересы: древнерусская литература, русское летописание XV–XVII вв., литературоведческое источниковедение.

E-mail: natadem@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-0572-4887

Natalia A. Demicheva,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Old Slavic Literatures.

Research interests: old Russian literature, Russian chronicles of the 15th–17th centuries, literary source studies.

E-mail: natadem@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-0572-4887